

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА/ДИСКУРСА

Г.Г. Молчанова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ/ДИСКУРСЕ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; dean@fl.msu.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению коммуникативных максим сотрудничества Пола Грайса и принципов вежливости Джона Лича как необходимого условия успешного функционирования этих постулатов в художественном тексте и речевом дискурсе. В центре анализа — стратегии дифференциации «позитивной» и «негативной» вежливости в процессе их текстовой имплементации. Наибольшее внимание уделяется «негативной вежливости» как относительно новому феномену в контексте коммуникации. Реализация ее в современном англоязычном тексте/дискурсе осуществляется посредством специфических речевых тактик (соблюдение речевых формальностей и коммуникативной дистанции; намеренная неопределенность и расплывчатость высказываний; противопоставление собственных достижений негативным ожиданиям оппонента; демонстрация успеха в выполнении своих обещаний; самопрезентация). Представляется уместным и необходимым дополнить этот список феноменом т.н. «политкорректности», непосредственно соотносящимся с явлением «негативной вежливости». Результаты исследования могут быть применены в разработке языкового инструментария, позволяющего эффективно донести скрытые смыслы художественного текста/дискурса.

Ключевые слова: принципы сотрудничества, постулаты вежливости, политкорректность, негативная вежливость, позитивная вежливость, речевые тактики

doi: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1

Молчанова Галина Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; dean@fl.msu.ru

© Молчанова Г.Г., 2026

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Молчанова Г.Г. Коммуникативные принципы сотрудничества и негативной вежливости в художественном тексте/дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2026. Т. 29. № 1. С. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1

Художественный текст может быть представлен как контаминация по меньшей мере трех субстанций. Во-первых, это разновидность *коммуникативного* акта — имитационного, или превращенного, позволяющего коммуникации из отдельного акта превращаться в акт общественного сознания, имитировать реально-вымышленный мир по соглашению между автором и читателем, соблюдающими так называемые принципы сотрудничества. Во-вторых, это *когнитивная* структура, подчиняющаяся всем когнитивным принципам и установкам хронологической, казуальной, пространственной, социально-обусловленной упорядоченности элементов текста, отражающей упорядоченность восприятия реальности (т.н. принцип иконизма). Одной из основных функций текста является когнитивная функция — общее название для совокупности процессов и способностей внимания, восприятия, усвоения, сохранения и вспоминания знаний, а также формирования понятий и мышления. И, наконец, в-третьих, это *прагматическая*, интенционально ориентированная функциональная установка, подчиняющая своим целям языковую организацию текста и стремящаяся реализовать себя наиболее эффективным и наименее затратным способом (т.н. принцип языковой экономии). Борьба этих трех «конкурирующих» мотиваций — *коммуникативной, прагматической и когнитивной* — приводит к увеличению емкости смысловых блоков без увеличения их границ (т.н. «свертке смысла»). Текст включает в себя все три ракурса, рассматриваемых с позиций коммуникативных принципов сотрудничества и вежливости (как позитивной, так и негативной).

Современное *коммуникативно-ориентированное* изучение текста/дискурса предполагает рассмотрение его как процесса социально обусловленного речевого взаимодействия. В основе прагматического подхода к описанию речевого акта лежит теория максимумов (постулатов, принципов) коммуникативного сотрудничества Пола Грайса (1985), который полагал, что коммуникативное намерение говорящего может быть правильно понято, даже если оно выражено

не прямо, а скрытно, имплицитно. Непременным условием для адекватного понимания этого намерения адресату недостаточно только языковых знаний, необходимо знание контекстных условий реализации высказывания. Целью прагматико-лингвистического анализа является описание того, как участники коммуникации устанавливают связь между буквальным значением высказывания и «значением говорящего» как при порождении, так и при восприятии этого высказывания в условиях «превращенного» речевого акта, каким является художественный текст.

Коммуникативно-прагматический подход к лингвистике художественного текста/дискурса ведется с разных методологических и частных теоретических позиций, однако в центр внимания всегда ставится коммуникативный акт и опора делается на общие принципы теории речевого общения. Прагматический анализ дискурса исходит из того, что всякое высказывание, обладающее интенциональностью (а в художественном тексте других и нет!), может рассматриваться в качестве «превращенного» речевого акта, а само дискурсивное взаимодействие представляет собой последовательность речевых иллокутивных актов.

В социолингвистическом ракурсе дискурс понимается как часть коммуникативного события, имеющего место в рамках более сложного процесса социального взаимодействия между людьми [см.: Dijk T.E. van, 1988; Карасик, 2002]. С позиций теории интеракции социолингвистическое описание дискурсивного текста предполагает, помимо определения микросоциального коммуникативного контекста, в рамках которого реализуются статусные роли участников интеракции, дистантные и социально-психологические отношения между ними.

Одним из основополагающих моментов процесса извлечения скрытого смысла текста является процедура импликационного поиска, ведущего к обнаружению (и заключению) адекватного вывода, что можно считать целевой установкой анализа художественного текста. Его отправной точкой является проблемная ситуация в языковой ткани текста. Там, где информационные потребности партнера по коммуникации не полностью удовлетворяются эксплицитным уровнем текста, когда он ощущает потребность найти какие-то дополнительные сведения о сообщаемом, спровоцированную «смысловыми скважинами», «лакунами», «странными сближениями» (А. Пушкин), «структурными скандалами», «семантическими жестами» и другими отклонениями от внутренней нормы текста, там необычная сортировка знаков образует при восприятии сдвиг по

отношению к читательскому тезаурусу, сигналом которого является «эстетическое недовольство» [Мукаржовский, 1967], ибо нарушен принцип сотрудничества, лежащий в основе прозрачности речевого акта.

Постулаты, предложенные П. Грайсом [Grice, 1985] в его известной статье о логике и разговоре, сформулированы под углом зрения именно адресата и оберегают коммуникативные интересы потребителя речи от попраiania их говорящим. Считается, что при реализации того или иного речевого акта оба коммуниканта ориентируются на некий общий принцип, который обеспечивает не столько саму возможность коммуникации, сколько ее социальную значимость. Следует отметить, что особые правила или условия осуществления речевых актов предлагались и Дж. Остином [Austin, 1986], и Дж. Серлем [Searle, 1972], но формулировки, предложенные П. Грайсом, наиболее распространены.

Основной принцип, названный *максимой сотрудничества*, заключается в требовании делать свой вклад в речевое сообщение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этому принципу подчинены четыре категории максим: 1) *максима количества* — «излагай не меньше и не больше информации, чем следует», «делай свой вклад в речевое общение настолько информативным, насколько необходимо»; 2) *максима качества* — «не говори ложного», «не говори того, в чем сомневаешься»; «излагай только проверенную информацию»; 3) *максима отношения* — «не отходи от темы»; «будь релевантен»; «стремись к соблюдению всех максим для поддержания внимания собеседника»; «учитывай баланс известного и неизвестного для аудитории». И хотя постулат сформулирован очень кратко, с ним связаны некоторые проблемы, вызывающие серьезные затруднения, а именно: какие бывают различные типы и фокусы релевантности, как они смещаются в процессе речевого общения, как описать законную смену предмета разговора и т.п.; 4) что касается четвертой *максимы манеры*, то она касается не того, что говорится (как остальные категории), а скорее того, как это говорится. К этой категории относится только один общий постулат — «выражайся ясно» — и несколько частных постулатов, типа: «будь последовательным», «избегай неясности и двусмысленности», «будь краток и систематичен». Приведенные требования определяют коммуникативные обязанности говорящего по отношению к адресату. Таким образом, роль адресата не только определяет социально-этикетную сторону речи, но и заставляет говорящего заботиться о ее организации, ибо всякое превышение предела не-

брежности сказывается на его интересах, нарушая прозрачность сообщаемого.

Следует отметить тот факт, что введение в прагматику самой идеи максимы сотрудничества оказало необычайно сильное влияние на всю дисциплину, поскольку сразу же дало очень мощный инструмент описания и объяснения человеческой коммуникации. По сути, представление о нем зачастую спасает при анализе особо сложных случаев, поскольку оно дает обоснование переходу от высказываемых, зачастую мало связанных и представляющихся недостаточно осмысленными, реплик к логично и последовательно построенному дискурсу, каким он должен быть на взгляд исследователя.

Формулируя принципы сотрудничества, П. Грайс исходил из того, что следует ввести основной принцип, соблюдение которого ожидается (при прочих равных условиях) от участников диалога: «твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [Grice, 1985].

Однако этим анализируемая концепция не исчерпывается.

Следует отметить, что принцип сотрудничества Грайса много раз подвергался критике в лингвистической литературе в связи с той ролью, которую он занимает в коммуникации. Вообще говоря, можно сформулировать три главных позиции по отношению к этой проблеме.

1. *Отрицающая позиция.* Исследователи, стоящие на этой позиции, прежде всего склонны отрицать сам факт наличия у коммуникантов общих целей при общении или, по крайней мере, утверждают, что наличие таких целей слишком редко, чтобы быть нормой. По их мнению, принцип сотрудничества слишком гипертрофирован, поскольку он опирается на допущение существования сотрудничества и разделяемых коммуникантами общих целей, а не на более слабое допущение координации действий и независимых целей.

2. *Редукционистская позиция.* Согласно этой точке зрения, то количество максим, которое предложено П. Грайсом, совершенно избыточно. Так, например, в некоторых работах утверждается, что единственной действительно значимой максимой является *максима отношения*. Это связано прежде всего с тем, что подобные исследователи дают несколько иную трактовку того, что следует понимать под общими целями коммуникантов. На их взгляд, коммуниканты имеют только одну общую цель, а именно достижение успешной

коммуникации. Под этим подразумевается, что слушающий должен понять, что говорящий имел в виду.

3. *Экспансионистская позиция.* Наиболее значительным и последовательным представителем этой позиции следует, очевидно, считать Дж. Лича. Согласно теории Лича [Leech, 1977], принцип сотрудничества рассматривается лишь как одна из составляющих межличностной риторике, противопоставленной текстуальной риторике. Текстуальная риторика Дж. Лича охватывает принципы доступности обработки, ясности, экономии и экспрессивности. Межличностная риторика, наряду с принципом сотрудничества, включает в себя *принцип вежливости* (максимы такта, щедрости, благородства, одобрения, скромности, согласия, иронии). Дж. Лич показывает, что действие принципа сотрудничества может быть преодолено, скажем, действием принципа вежливости. Представляется, что все названные принципы могут находиться в сложном взаимодействии, в зависимости, например, от социокультурных особенностей. К примеру, известные явления табуирования некоторых типов речевых актов напрямую ставят препятствия применению принципа сотрудничества [см.: Кларк, Карлсон, 1986: 277; Хаймс, 1975: 42–95]. Более того, в свете современных гендерных изысканий нередко начинают говорить о том, что сам принцип сотрудничества следует формулировать в двух вариантах: мужском и женском.

С принципами коммуникативного сотрудничества П. Грайса, направленными на поддержание в разговоре осмысленности, целенаправленности, ситуативности, связности и правдоподобия, во многом перекликается презумпция уместности Цветана Тодорова, которую он сформулировал следующим образом: «Если некая речь имеет место, значит, на это есть свои резоны» [Тодоров, 1983: 350–369].

Нужно признать, что позиции всех сторон достаточно мотивированы. Тем не менее, против редуccionистской и отрицательной позиции можно привести достаточно сильные возражения. Что касается полного отрицания принципа сотрудничества, то вопрос можно поставить следующим образом: что следует понимать под общими целями? Безусловно, если здесь имеется в виду, что два человека, вступающие в беседу, совсем не обязательно ставят себе одну и ту же, при этом специальную, цель, которой они намерены добиться в ходе и посредством этой беседы, то такое возражение абсолютно справедливо: действительно, трудно предположить, что до начала коммуникации может быть достигнута такая согласован-

ность в целях. Однако если допустить, что эта цель в самой частной формулировке заявляется одним участником в самом начале коммуникации (например, получить ответ на конкретный вопрос), и тут же принимается другим (например, ответ дается), то можно сформулировать следующее положение: общая цель не задается (или не обязательно задается) до коммуникации: общая цель формируется в процессе самой коммуникации, причем она является производной от множества микроцелей, заявляемых коммуникантами, исходя из общей презумпции настроенности собеседника на общение. Это, кстати говоря, следует и из рассмотренной нами выше трактовки принципа сотрудничества как системы координат, точкой отсчета в которой является участник акта коммуникации: действительно, судить об общей цели, достигаемой в итоге общения, может только сторонний наблюдатель и только постфактум.

Редукционистская позиция менее открыта для критики. Действительно, при желании любую из максим принципа сотрудничества можно свести к максиме отношения: говорить по существу, не отклоняясь от темы в каком-то смысле и значит говорить правду, говорить обоснованно, не говорить ничего лишнего, говорить внятными образом и т.д. Вопрос здесь лишь в том, что в таком случае формулировка самого принципа оказывается неотличимой от формулировки максимы отношения. Но если беспристрастно сопоставить эти формулировки, то видно, что максима отношения имеет несколько более частный характер. Быть релевантным, собственно, означает лишь, что реплики коммуниканта должны оставаться в пределах обсуждаемой темы. Не следует понимать релевантность сообщения как его ценностную характеристику, для этого П. Грайс предлагает вполне развернутое понятие кооперативного сообщения, это следует из самой формулировки принципа сотрудничества.

Что касается экспансионистской позиции, то, пожалуй, следует признать, что она выглядит значительно более обоснованной. Дело в том, что общая цель, по П. Грайсу, это стремление к максимально четкой передаче информации. Сам П. Грайс говорит о том, что такое обобщение слишком узко и естественно, что в тех случаях, когда участники коммуникации преследуют какие-то иные цели, помимо общей, они должны придерживаться иных принципов коммуникации, помимо принципа сотрудничества, если хотят этих целей достичь.

Рассмотрение художественного текста в формате акта межкультурной коммуникации преследует, помимо коммуникативной,

другие функциональные цели, поэтому постулаты П. Грайса могут быть применимы только в сочетании с другими критериями и интерпретациями, направленными на создание адекватной процедуры поиска скрытого смысла текста. По мнению П. Грайса, соблюдение максим сотрудничества делает взаимодействие участников коммуникации возможным и результативным, но оно не всегда соблюдается и часто нарушается в силу разных причин, а поэтому могут быть дополнены правилами иного рода, например, эстетическими или культурными. Он замечает, что такими постулатами могли бы стать *Принципы вежливости* Дж. Лича. Вместе с максимами П. Грайса они составляют *коммуникативный кодекс* системы принципов построения текстового диалога. Для установления контакта с читателем автор использует принятые в данной культуре конвенции. В художественном тексте как в «превращенном» речевом акте Принципы вежливости Дж. Лича так же необходимы, как в любом другом виде коммуникации и так же предполагают взаимное приспособление, подстраивание под точку зрения автора. В лингвистическом плане они представляют собой набор формул, которые способствуют общей коммуникативной цели и контролируют речевое поведение индивидов, направленное на предупреждение конфликтных ситуаций, поддержание социального равновесия и доброжелательных отношений между собеседниками.

Особо значимым представляется то, что Дж. Лич провел различие между *абсолютной* и *относительной* вежливостью. Разные речевые акты ассоциируются с разными типами вежливости, которая имеет *негативный* и *позитивный* полюсы. Например, предложения чаще бывают вежливыми, а императивы, приказы — нет. Браун и Левинсон [Brown, Levinson, 1987] различают *позитивное лицо* (желание нравиться другим) и *негативное лицо* (желание быть независимым, иметь свободу). *Позитивная вежливость* — вежливость сближения, контакта, солидарности; *негативная вежливость* — вежливость удаления, дистанции, почтения. Суть вежливости: демонстрация солидарности и сохранение дистанции. Негативная вежливость, или, как предлагает называть ее Т.В. Ларина, «вежливость отдаления» [Ларина, 2009], в свою очередь, основана на речевом «самоограничении» коммуникантов, то есть выступает в качестве своеобразного инструмента для выражения формальности, сдержанности и дистанции между адресатом и адресантом.

С точки зрения лингвистики текст также может быть «невежливым», если он по стилю, по содержанию, по идее, отходит от текстовой нормы, что не устраивает читателя, ощущающего неуваже-

ние к себе со стороны автора. Однако нередко такие «невежливые» тексты становятся новаторскими зачинами, порождающими новые литературные направления. По Дж. Личу, «негативная вежливость», направленная на стремление избежать разногласий, более предпочтительна по сравнению с «положительной вежливостью», т.е. по-иском согласия. Модель Лича, хотя и ставит новые вопросы, все же помогает объяснить кросс-культурные вариации использования стратегий вежливости. Как отметили Браун и Левинсон, кросс-культурные вариации будут заключаться в той значимости, которая придается одной из максим по сравнению с другой. Так, например, Дж. Лич предполагает, что в японском языке *максима скромности* превалирует над *максимой согласия*, поскольку японские обычаи не позволяют согласиться с похвалой, которую о тебе высказывают другие. Т.о., негативная вежливость состоит в минимализации невежливых речевых актов, а позитивная — в усилении вежливых. Стратегии негативной вежливости следующие: 1. Подвергайте сомнению свои желания, возможности, выражайтесь косвенно. 2. Задавайте вопросы, смягчайте свои высказывания. 3. Предоставляйте возможность не совершать речевые акты, выражающие субъективную модальность, такие, как: I think, I find, I suppose. 4. Минимизируйте свои предположения о потребностях и желаниях адресата. 5. Будьте пессимистичны. Сомневайтесь в возможности выполнить действие.

В отличие от разговорного речевого акта, нарушение принципа сотрудничества (или принципа уместности) в художественном тексте не может быть случайным, оно не может быть вызвано нежеланием общаться: ведь художественный текст — это произведение, коммуникативная система, направленная на общение, в которой тщательно продуман каждый знак. «Попрание» принципа сотрудничества входит в коммуникативное намерение автора. Отсюда выводимо общее требование, к которому могут быть сведены и коммуникативные постулаты П. Грайса, и принципы вежливости Дж. Лича, и модель Браун — Левинсона, и презумпция уместности Ц. Тодорова: «Делай все необходимое для достижения цели речевого взаимодействия, не делай ничего такого, что могло бы помешать этому взаимодействию, достижению этой цели» [Тодоров, 1983: 367]. Хотя основная доля ответственности за соблюдением коммуникативного принципа приходится на долю говорящего, определенные обязательства налагаются и на адресата, поскольку именно в случаях «проблемной ситуации» он, соблюдая названные принципы, должен стремиться к пониманию говорящего, даже в случае, когда

производимые им высказывания не сразу поддаются приемлемой адекватной интерпретации. Для того, чтобы избежать дефектного коммуникативного акта (дефектным признается коммуникативный акт, при котором конвенциональное значение высказывания отличается от смысла, вкладываемого в него отправителем-адресантом), адресат вынужден отправиться на поиск такого ракурса, который удовлетворит его информационную потребность в содержательной подтекстовой информации. Толчком к имплицативному поиску служит возникновение «проблемной ситуации» в языковой ткани текста, спровоцированное «смысловыми скважинами», «лакунами», «смысловыми зияниями», «структурными скандалами» и другими «отклонениями» от «нормы» текста, т.е., теоретически рассуждая, любым отступлением от общих принципов и ситуативных норм речи или языка. Таким образом, критериальными (прототипическими) признаками текста являются: неукоснительное соблюдение коммуникативных принципов сотрудничества Грайса; следование правилам системно-семантической организации текста (синтагматика и парадигматика), нормам коммуникативно-текстовой дистантности. В качестве единого критерия берется тип нарушаемого постулата сотрудничества с одной стороны, и тип системно-семантических отношений языковых знаков — с другой. В создании имплицатов участвуют все три типа системных отношений: синтагматический, парадигматический и гипердигматический (деривационный).

Ниже представлены обнаруженные связи и взаимозависимости, существующие между типом нарушаемого постулата и типом асимметрии между знаком и концептом, типом введения нового на синтагматической и парадигматической осях сообщаемого и типом асимметрии между ожидаемым и реализованным в тексте, а именно:

1. Нарушение синтагматических системных отношений в линейной цепи текста приводит к нарушению *постулата количества* и, как результат, к возникновению таких имплицатов, как *аллитерация, анафора, эпифора, рамка, параллелизм, хиазм, градация* и др. Такая взаимообусловленность логически оправдана: перечисленные имплицаты представляют собой стилистические приемы, основанные на различного рода повторах: а) фонетических (рифма, ритм, аллитерация), б) лексико-синтаксических (анафора, эпифора, рамка, параллелизм, хиазм), либо близких к повтору (градация, нарастание). С точки зрения информативности все они избыточны и нарушают постулат сотрудничества Грайса, гласящий: «делай свой вклад в речевое сообщение настолько информативным, насколько это

необходимо». Намеренное нагнетание одного и того же знака в речевой цепи, избыточное с точки зрения фактуальной информации, приводит к появлению имплицитной информации, побуждающей к новизне восприятия. Нарушение постулата количества приводит к асимметрии между модальностью диктума и модуса говорящего, изменяя соотношение между существующими в стандартном тезаурусе концептами, создавая скрытый, имплицитный уровень текста.

2. Нарушение коммуникативного *постулата качества* приводит к появлению в тексте импликатов, связанных с парадигматическими и гипердигматическими отношениями, с осью выбора, а не комбинаторики. К ним относятся *метафора, гипербола, мейозис*, а также *энантисемия, паронимическая аттракция, каламбур* и др. Эти импликаты представляют собой механизмы, посредством которых образуется реальность «возможных миров» литературы. С их непосредственной помощью происходит организация того качества восприятия, которого добивался автор.

Если постулаты качества и количества, а также возникающие при их нарушении импликаты достаточно хорошо изучены в лингвистической литературе, то на постулатах манеры и отношений, как наименее исследованных, следует остановиться подробнее.

3. Нарушение *постулата манеры* («говори последовательно, говори коротко, говори ясно») проявляется в художественном тексте на двух осях: а) на оси синтагматики — в плане нарушения когнитивного принципа иконичности, или «порядка упоминания». В сочетании с отклонением от коммуникативного постулата манеры это приводит к возникновению таких импликатов, как ретроспекция, проспекция, произвольная аранжировка смысловых блоков, импликация предшествования в начале повествования, открытая концовка и т.д.; б) на оси выбора (парадигматики) — в намеренном нарушении речевой категории прозрачности со стороны говорящего, приводящем к возникновению намеренной амбигуитивности, неоднозначности, так называемого «темного образа», либо к появлению импликатов, требующих у коммуниканта определенного фонового знания, лингвогносеологической компетенции для декодирования аллюзий, цитат, сентенций, декомпозиций и переосмысления фразеологических единиц, всех видов устойчивых образцов и прецедентных текстов, т.е. импликатов, апеллирующих к национальной памяти читателя, его ментально-этническому горизонту понимания.

4. Нарушение же *постулата отношений* на оси повествовательных инстанций текста как литературного коммуникативного акта

приводит к несовпадению коммуникативно-ролевых ожиданий, смене концептуализатора, сдвигу модальностей диктума и модуса.

Наиболее ярко это коммуникативно-ролевое несовпадение проявляется в явлении т.н. негативной вежливости в тексте/дискурсе, что не устраивает читателя, ощущающего под маской гипертрофированной вежливости и жалостливого сочувствия унизительное неуважение к себе со стороны автора. Особенно четко это прослеживается в ставшем чрезвычайно популярном явлении т.н. *политкорректности*. Как пишет П. Палажченко, мода началась с выражения *vertically challenged*, ставшего «политкорректным», т.е. негативно-вежливым синонимом слова *short* в значении низкорослый. Появились также политкорректные замены таких «неудобных» слов, как: *fat* — a person with alternative body image or big, differently sized; *boring* — differently interesting; *poor* — differently advantaged; *corrupt* — ethically different; *alcoholics* — persons with drink problems; *mentally subnormal* — not all there; *bold* — thin on the top, *old* — senior citizens; *criminals* — offenders; *butchers* — meat technologists; *undertakers* — funeral directors; *prostitutes* — sex workers; *dead* — metabolically changed [Палажченко, 2002]. Со временем эти выражения стали вызывать раздражение и переосмысливаться иронически. Эксперты уже составили словарь политкорректности, в который включены такие выражения, как: болтун — вербально одаренный; взятка — альтернативная зарплата; вор — человек с альтернативной экономической ориентацией; глухой — визуально ориентированный; длинноносый — назально одаренный; извращенец — человек с нестандартными биологическими потребностями; импотент — человек с альтернативной эрекцией; косоглазый — человек, имеющий разные точки зрения; лень — ограниченная потребность в труде; ложь — альтернативная версия фактов; мошенник — человек харизматической наружности; нищий — человек с ограниченными способностями к инвестированию; преступник — этически дезориентированный; старая дева — женщина, практикующая гетеросексуальное воздержание; тупой — лицо с индивидуальной скоростью восприятия знаний; урод — косметически иной, человек с альтернативной внешностью. Известный семиотик, писатель, культуролог У. Эко считает, что «политкорректность, появившаяся в Америке для того, чтобы защищать права подавляемых меньшинств, чтобы противостоять всякой расовой дискриминации, становится новым фундаментализмом. Любой фундаментализм, основанный на том, что Истина может существовать в одном-единственном виде, не обязательно нетерпим,

но, безусловно, рискует сделаться таковым, изгоняя из общества тех, кто отклоняется от «генеральной линии». Речь в данном случае не идет об уважении прав меньшинства, а, наоборот, — о защите большинства, или, скорее, о беспокойстве, как бы не создать меньшинства, обладающего преимуществами и не породить ситуацию опасной нетерпимости по отношению к каждому. С наступлением политкорректности свобода подвергается сомнению. Профессору английской литературы предлагается не делать курса по „Отелло“, потому что фигура мавра, ревнивца и убийцы, может оскорбить не западных студентов. Не говоря уже о „Венецианском купце“ — по той очевидной причине, что в этой трагедии Шекспир не свободен от бытового антисемитизма. Но мало того: прямо-таки нежелательно делать курс по Аристотелю, т.к. тем самым высказывается небрежение к философии какой-либо африканской народности. Это является такой же формой фанатизма и фундаментализма, как и та, что внушает, что только Аристотель — воплощение человеческого разума. Конечно, университету, как и всей образовательной системе, следует найти место всем точкам зрения. Но запрещать кому-либо говорить о Библии только потому, что такой дискурс исключает Коран, — это опасная форма нетерпимости, замаскированная под уважение к другим точкам зрения»¹.

Негативная вежливость в ее нынешнем унизительно-гипертрофированном воплощении в виде политкорректности все чаще воспринимается сейчас как способ отвлечения внимания от действительно насущных проблем, низводя их до анекдота. Так, известны случаи запрета на название «черный кофе» (!), вызвавшие резкую отповедь населения как «political correctness nonsense» [Thompson, 2003: 119].

Чрезмерное следование политкорректности может привести к такой нелепости, как «исправление» одной негативной вежливости на другую, еще более нелепую. В одном из детских садов Оксфорда педагоги обнаружили в стихотворении «Барашек» слово «черный»: «Ваа, baa, black sheep, have you any wool?» и, посчитав его непolitкорректным, заменили «black» на «rainbow» — «радужный». «Не знали оксфордские борцы за политкорректность, что слово rainbow — радужный — символ движения сексуальных меньшинств за свои права, и использование их пропаганды в детской книжке грех более тяжкий, чем слово black для обозначения расовой принадлежности»².

¹ Эко У. Нетерпимость к нетерпимости // “Esquire”, ноябрь 2006. С. 131–132.

² «Власть», № 10, 13 марта 2006.

Ярко проявляются нелепицы «негативной вежливости» не только в области расы или гендера человека, но и его возраста, который из биологического фактора переводится в фактор социальный: новые термины *senior citizens*, *elderly people* только подчеркивают намек на «past it» или «a burden to society». (Ср. в русском канцелярите замену термина «пенсионный возраст» на «негативно-вежливое»: «возраст доживаемости».)

Но нельзя впадать и в другую крайность, полностью отрицающая власть языка над людьми, то, что Э. Сэпир называл тиранией слова. Именно язык является тем посредником, который позволяет доминирующим группам общества ощущать свое превосходство и навязывать «негативно-вежливый» статус неполноценности, второсортности другим. Так, во время общественных дебатов в Британии о терминах «black people», «coloured people» и «people of colour», чернокожие англичане выбрали слово «black» в качестве политического термина для обозначения своей общности и отвергли термин «coloured» как искусственно навязываемый доминирующим большинством [Thompson, 2003]. «Словом можно убить, словом можно спасти, Словом можно полки за собой повести», — сказал поэт. Язык одновременно и отражает картину мира, и сам оказывает влияние на создание меняющихся ландшафтов этой картины. Поэтому и негативная вежливость должна быть облечена в позитивную и гуманную форму «linguistic sensitivity». Выбор правильного термина — всегда вопрос политический, и он действительно должен решаться как можно более корректно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кларк Г.Г., Карлсон Т.Б.* Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 270–321.
2. *Карасик В.И.* Язык социального статуса. М: Гнозис, 2002.
3. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
4. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 406–431.
5. *Палажченко П.* Мой несистематический словарь (из записной книжки переводчика). 2-е изд., М.: Р. Валент, 2002.
6. *Тодоров Ц.* Семиотика литературы. Понятие литературы // Семиотика / Сост. и ред. Ю.С. Степанов. М.: Радуга, 1983. С. 350–369.
7. *Хаймс Д.* Этнография речи // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 42–95.
8. *Austin J.L.* How to Do Things with Words. London, 1986.

9. *Brown P., Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
10. *Dijk T.E. van.* Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London and New York: Longman, 1988.
11. *Grice H.P.* Logic and Conversation // Syntax and semantics, vol. 3: Speech Acts, P. Cole and J. L. Morgan (eds.); N.Y., 1985. Pp. 41–58.
12. *Leech G.* Semantics. Ed. by D. Crystal. London, 1977.
13. *Searle J.R.* Les actes de langage. Paris, 1972.
14. *Thompson N.* Communication in Nation. London: Palgrave Macmillan, 2003.

Galina G. Molchanova

COMMUNICATIVE COOPERATION PRINCIPLES AND NEGATIVE POLITENESS MAXIMA — CONDITIO SINE QUA NON OF LITERARY TEXT/DISCOURSE

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dean@fl.msu.ru

Abstract. The paper is devoted to a topical issue of the communicative P. Grice's cooperation principles and J. Leach's politeness maxima. The research is based on the theory of cooperation and politeness combined with the strategic approach to the study of communicative and pragmatic characteristics of the literary text/discourse. The subject of the analysis is the strategy of differentiation the "positive politeness" and "negative politeness" phenomena. The result of the study is the implementation of the negative politeness strategy in the modern literary text/discourse. It is carried out through specific speech tactics (such as compliance with speech formalities and communicative distance; deliberate uncertainty and vagueness of statements; contrasting of speaker's achievements to his opponent's negative expectations; demonstration of success in fulfilling the promises; self-presentation.) One of these negative politeness tactics is considered to be so called "political correctness." The author comes to the conclusion that the implementation of this type of negative politeness strategy is not carried out properly. The results of the study can be used and applied in the search of the specific language tools that allow to convey literary text/discourse effectively.

Keywords: cooperation principles, politeness strategy, negative politeness; positive politeness; political correctness, speech tactics

Funding. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

For citation: Molchanova G.G. (2026) Communicative cooperation and negative politeness maxima — condicio sine qua non of literary text/discourse. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, no. 1(29), pp. 9–24. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-29-1-1 (In Russ.)

About the author: Galina G. Molchanova — Dr. Habil. in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University; dean@fl.msu.ru

REFERENCES

1. Clark H.H., Carlson Th.B. 1986. Slushayushchie i rechevoi akt [Speech acts and hearers' belief]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, vol. 17, pp. 270–321. (In Russ.)
2. Karasik V.I. 2002. *Yazyk sotsial'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, Gnosis. (In Russ.)
3. Larina T.V. 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikatsii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. (In Russ.)
4. Mukarzhovskii Ya. 1967. Literaturnyi yazyk i poeticheskii yazyk [Literary language and poetic language]. In *Prazhskii lingvisticheskii kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow, Progress, pp. 406–431. (In Russ.)
5. Palazhchenko P. 2002. *Moi nesistematicheskii slovar' (iz zapisnoi knizhki perevodchika)* [My unsystematic dictionary (excerpts from a translator's notebook)]. 2nd Edition. Moscow, R. Valent. (In Russ.)
6. Todorov Tz. 1983. Semiotika literatury. Ponyatie literatury [Semiotics of literature. Notion of literature]. In Stepanov Yu.S. (ed.). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga, pp. 350–369. (In Russ.)
7. Hymes D. 1975. Etnografiya rechi [Ethnography of speech]. In *Novoe v lingvistike. Vyp. 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Vol. 7. Sociolinguistics]. Moscow, Progress, pp. 42–95. (In Russ.)
8. Austin J.L. 1986. *How to Do Things with Words*. London.
9. Brown P., Levinson S. 1987. *Politeness: Some Universals in Language Use*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Dijk T.E. van. 1977. *Text and context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London and New York: Longman.
11. Grice H.P. 1985. Logic and Conversation. In Cole P., Morgan J.L. (eds.) *Syntax and semantics, vol. 3: Speech Acts*, N.Y., pp. 41–58.
12. Leech G. 1977. *Semantics*. D. Crystal (ed.). London.
13. Searle J.R. 1972. *Les actes de langage*. Paris.
14. Thompson N. 2003. *Communication in Nation*. London, Palgrave Macmillan.

Статья поступила в редакцию 02.11.2025;
одобрена после рецензирования 08.12.2025;
принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 02.11.2025;
approved after reviewing 08.12.2025;
accepted for publication 15.12.2025.